

Семьдесят, -1992, -20-26 сент. (пч). -с.3

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

К 80-летию Б. А. ПОКРОВСКОГО

В сущности, жизненный путь наш есть непрерывная цепь пересечений. Божественное Провидение иногда скрашивает эту дорогу пересечениями особыми, теми, что благодетельны для души — высветляют ее, поворачивают к самораскрытию. Это прежде всего наши встречи с нашими Учителями. «Соединения и сочтения», представляющие из себя целое, я бы сказал, внутренне музыкальное сочинение, имеющее в себе все положенные части и начинающееся, как и положено, с Увертюры...

Для меня некая обреченность на любовь к музыкальному театру родилась в раннем детстве, когда местом постоянного поминательства была опера. Галерка филиала Большого, Покровский (тогда неведомый). Я слушал и смотрел «Садко», «Гальку», «Аиду», «Травиату», «Снегурочку», а позднее (уже в партере) «Семена Катко», «Игрока», «Руслана и Людмилу», «Мертвые души», «Дуэнью». Сейчас эту обреченность на любовь к опере подхватил мой сын, опера для него — святое, и он счастлив, что «Орлеанскую» (опять же Покровского) слушал дважды. Потому, когда сейчас театр возникает в моем творчестве, я понимаю, что это из подсознания, из детства, что это театр режиссера Бориса Александровича Покровского. Это его тонкость восприятия мира и поэтичность, его непредсказуемость и парадоксальность мышления.

...Невероятная ночь в «Семене Катко» — точное, почти адекватное выражение сложнейшей полифонической ткани прокофьевской музыки.

...Фантазмагорически возникающий социальный момент в «Катерине Измайловой» — множественность задрипанных мужичков, устрашающая, пророческая множественность толпы, способной на все...

...Лишь шестым чувством объяснимое финальное восприятие Полины — Галины Вишневской в «Игроке» — одержимость, как взлет... Покровский умеет в отличие от подавляющего большинства оперных режиссеров выстроить в оперном спектакле настолько живую жизнь, что их можно с наслаждением смотреть, а не только слушать. (Это при его опять же уникальном отношении к компо-

зитуру — в угоду своей режиссерской мысли он не просит никогда изменить ни единого такта).

Многое в его решениях по первости кажется странно. Но в некотором временном отдалении странность эта приобретает черты художественной бесспорности. И для меня такими бесспорностями в антологии Б. А. Покровского в Большом театре являются «Игрок» и «Семен Катко» С. Прокофьева.

Камерный музыкальный театр... Дитя Покровского. Я жил как зритель этого театра с молодых лет в очаровании и как бы в предчувствии грядущей любви. Я прожил с ними их детство, юность, молодость... «Не только любовь» Щедрина, «Нос» Шостаковича, «Ростовское детство». Он не побоялся поставить мистерию в 70-е годы. А это не в 90-е, при перемене ветра, — дурно пахнуть на всех углах духовные стихи и зарабатывать на моменте снятия запрета. Это в 70-е, когда нужно было «взять на себя» и знать, что в случае чего — ну, головы — не головы, а театра-то лишиться... Борис Александрович — смелый человек.

Когда в 1969 году к нему обратился А. И. Хачатурян с просьбой поставить на телевидении мою первую оперу «Мужицкий сказ», он отдал эту работу своему талантливому стажеру, и мэтр не поленился, поехал на студию и записал к премьере вступительное слово, надеясь, что, может быть, это спасет работу от опалы. Не спасло. Это были времена Лапина, и опера была «репрессирована» за неверное отражение событий Октябрьской революции. И это был перекресток моей судьбы с Б. А. Покровским, меня, не знавшим, но не поленившимся заглянуть в партитуру совсем молодого композитора и сделать ему добро.

Над моей оперой «Живи и помни» по повести В. Распутина в Камерном театре работал ученик Бориса Александровича, талантливый режиссер — и оркестр уже звучал, и Л. Трофимова — Настена была обещающе-прекрасна, и Маша Лемешева спрашивала огромными глазами: «Ну, как?», а все что-то еще не закладывалось, чего-то не хватало. Не хватало Покровского. Он пришел, и, как по мановению волшебной палочки, ор-

кестр обрел иное бытие, став солью земли и толщей воды, присутствуя и отсутствуя одновременно. И взлетели, и превратились в тревожный мир Атамановки длинные жерди, которые до того все не складывались в декорацию, и бедная черная одежда сцены стала и бездонным небом, и омутом страстей Настениной души. И каждый, кто был рядом со мной, на тех последних премьерных репетициях, знал, что присутствует при уникальном процессе творчества большого мастера, причем в те звездные моменты, когда получается. И впереди — борьба, страсти, возможность опалы, то есть Успех...

Мне довелось прочесть на премьерной афише слова: «Короче, ждем новой оперы о душе человеческой», и эти слова заставили мучиться, надеяться, искать и писать «Житие лейтенанта Сошнина» по Астафьеву. И хотя тропы художников расходятся, и «много переменялось в жизни» для каждого из нас, и в другом театре репетируется моя житейная опера, но ослепительно яркие моменты пересечения с большим художником, мастером русской оперной режиссуры складываются с годами в удивительно плавную и гармоничную линию судьбы.

Борису Александровичу 80 лет. Когда-то он сказал великую фразу: «От времени остается музыкальная интонация». Можно смело сказать, что от нашего времени, безусловно, останется режиссерская интонация Бориса Александровича Покровского.

За его интонацию!

За его святое право на пробу и ошибку!

За его вечную молодость и безоглядность!

За то, что как посол Отечества он дарит миру русскую оперу, делая все более «конвертируемой» нашу единственную валюту — высокое искусство!

За то, что он подарил и еще подарит нам, чем вдохновит и осветит наши души.

За то, что сегодня, в тяжкие наши дни, он находит в себе завидное мужество быть счастливым своим делом и открыто об этом говорить, вдохновляя и нас на счастье бытия. За то, что он — впереди. Спасибо!

Кирилл ВОЛКОВ